

Когда старого военного лекаря ввели в палатку, его взгляду предстал лежащий ничком на постели мужчина — на редкость хрупкого телосложения. Волосы его были небрежно стянуты на затылке, а на кончиках прядей запеклись бурые крошки крови. Белые повязки, наложенные на рану, уже насквозь пропитались багровой влагой. Сквозь приподнятый полог ворвался резкий зимний сквозняк, качнув несколько угольно-черных прядей. Безупречно белая кожа, темные локоны — этот человек походил на кого угодно, только не на закаленного воина.

— Что стряслось? — озадаченно спросил лекарь Тан.

— По пути в горы наткнулись на разбойников. Оказалось, похищение. Вот, заложника отбили.

— Хм, а лицо будто знакомое...

— Еще бы не знакомое! Это же Лю Сяочжу из благородного семейства Лю.

— Тот самый «богатый золотой мальчик»?

— Он самый. С его-то привычкой щеголять, удивительно, как его раньше не украли. Похоже, лиходеи обобрали беднягу до нитки.

— Надо же. Впервые вижу его в таком невзрачном виде.

Лежавший на животе Лю Чжэньцин незаметно скривился.

«Да прекратите вы зубоскалить! — мысленно взмолился он. — Хоть бы слово по делу сказали! Теперь я знаю, что меня зовут Лю Сяочжу и что этот недотепа обожал обвешиваться золотом и выставлять богатство напоказ. А дальше-то что? Ни одной важной детали!»

За долгие годы у него выработалась странная привычка: какие бы тяжелые раны он ни получал, сознание он терял редко и ненадолго. Вот и сейчас Лю Чжэньцин пришел в себя еще до появления лекаря. Он надеялся разузнать что-нибудь полезное, но вместо этого удостоился лишь порции язвительных насмешек.

— Хм, если генерал Хо узнает, что этот парень у нас, у него точно разболится голова, — хмыкнул один из солдат.

У Лю Чжэньцина болезненно сжалось сердце. Из поколения в поколение семья Хо поставляла империи великих полководцев — как мужчин, так и женщин. О каком именно генерале шла речь?

— Да брось, нашему генералу дела нет до подобных глупостей, — отмахнулся второй. — Я вообще не помню, чтобы он хоть из-за чего-то переживал. Ладно, надо поскорее перевязать

этого бедолагу да отправить восвояси, в поместье Лю. Нечего ему тут путаться под ногами, у нас своих забот полон рот.

Лю Чжэньцин мысленно вздохнул, сделав первые выводы. Отношения между Лю Сяочжу и этим загадочным генералом Хо явно оставляли желать лучшего. Впрочем, убивать его никто не собирался, а значит, необходимую помощь он получит.

Солдаты, переговариваясь, покинули палатку. Шорох шагов затих, и внутри остался лишь старый лекарь, принявшийся за дело.

Притворяться спящим дальше не имело смысла. Лю Чжэньцин тихо застонал, зашевелился и осторожно приподнял голову, старательно изображая сильную мигрень.

— Молодой господин Лю, лежите тихо, не шевелитесь, — мягко остановил его лекарь. — Рана на затылке глубокая, дайте мне закончить перевязку.

— Благодарю вас за заботу, — пробормотал Лю Чжэньцин.

Он слегка приподнял веки. Старому врачу на вид было около шестидесяти лет, но двигался он на удивление бодро, а его лицо показалось Лю Чжэньцину смутно знакомым. Память упрямо отказывалась подсказывать имя.

— Позвольте узнать, как мне величать уважаемого старца? — осторожно спросил он.

— Моя фамилия Тан, — без колебаний ответил лекарь.

Столь быстрый ответ подтвердил догадку: прежний Лю Сяочжу не знал этого человека лично. А вот сам Тан прекрасно ориентировался, кто перед ним лежит. Очевидно, «слава» этого золотого мальчика действительно гремела повсюду.

— Кажется, у меня болит вообще всё тело, — со вздохом добавил Лю Чжэньцин.

Раз уж выдался случай подлечиться, нужно было использовать его сполна. Сам он тоже неплохо разбирался в медицине и мог бы осмотреть себя, но сейчас, истощенный физически и морально, он предпочитал просто лежать и не двигаться.

Лекарь Тан спорить не стал. Он добросовестно обработал все ссадины и ушибы, а под конец приложил пальцы к запястью пациента, проверяя пульс. По мере того как тянулось молчание, брови старика сходились к переносице все сильнее.

— Что-то не так, лекарь Тан? — спросил Лю Чжэньцин. — Говорите как есть.

— Молодой господин Лю... Вы отравлены. Яд медленного действия, копился в крови не один месяц. Разбойники тут явно ни при чем, это дело чьих-то других рук...

Лю Чжэньцин даже бровью не повел.

— Это излечимо?

— Не беспокойтесь, я выпишу рецепт. Если принимать снадобье регулярно, отравы постепенно выйдет из организма, в этом нет ничего сложного. Однако впредь... вам следует быть крайне осмотрительным. Советую проверять любую пищу и питье серебряной иглой, мало ли что.

— А что будет, если этот яд не выводить? — любопытствовал Лю Чжэньцин.

— Накапливаясь, он медленно истощает жизненные силы. Человек увядает на глазах, слабеет и в конце концов тихо умирает, — с искренней тревогой в голосе произнес лекарь.

Лю Чжэньцин промолчал. Лекарь Тан сочувственно вздохнул, решив, что изнеженный молодой господин, никогда не знавший забот, раздавлен столь страшным известием. Шутка ли — узнать, что кто-то из самых близких планомерно отправляет тебя на тот свет. В богатых домах всегда полно грязи, и лекарю оставалось лишь сокрушенно качать головой.

Пока лекарь Тан отвернулся к столу, чтобы записать рецепт, Лю Чжэньцин незаметно прижал пальцы к собственному запястью на другой руке. Пульс подтверждал слова старика: в теле действительно циркулировал вязкий, коварный яд.

В глазах Лю Чжэньцина вспыхнул лукавый огонек.

Закончив писать, лекарь Тан повернулся, подыскивая слова утешения, но Лю Чжэньцин опередил его. Он уставился на лекаря округлившимися, абсолютно невинными глазами и спросил:

— Скажите, а то, что я ничего не помню — это тоже из-за яда?

От неожиданности у старика даже седые усы задергались. Он замахал руками, уверяя, что отравы тут ни при чем, и принялся заново осмотреть голову пациента. В итоге лекарь пришел к выводу, что виной всему сильный удар по затылку.

— Вы действительно совсем ничего не помните? — недоверчиво спросил Тан.

Лю Чжэньцин сокрушенно кивнул.

Столкнувшись с таким редким недугом, лекарь Тан засыпал его вопросами, проверяя реакцию.

Для Лю Чжэньцина это был идеальный шанс разузнать побольше о мире, в котором он очутился. Однако каждый новый ответ заставлял его сердце сжиматься от подступающего холода.

Они находились в горах неподалеку от императорской столицы Великой Чжоу. Сам он теперь — Лю Сяочжу, старший внук из семьи придворных купцов Лю. Эта ветвь была дальней родней его собственному клану Лю. Неудивительно, что новое лицо казалось столь похожим на прежнее — сходство оказалось не случайностью, а кровным родством.

Шел тринадцатый год правления императора Кансюя, Юань Цзюе. То есть с момента гибели самого Лю Чжэньцина прошло уже восемь лет.

Юань Цзюе по-прежнему восседал на драконьем троне, крепко удерживая власть.

«Раз так, то нынешний предводитель армии семьи Хо... должно быть, Хо Фэнле, второй молодой господин Хо!»

Если он, конечно, вообще жив.

Лекарь Тан не спешил называть имя своего генерала, а Лю Чжэньцин чувствовал такое сильное смятение, что у него язык не поворачивался спросить. Если Хо Фэнле погиб, то виной тому косвенно был он сам. Если же остался жив, то наверняка питал к покойному регенту лишь лютую, непреходящую ненависть.

Теперь Лю Чжэньцин понял, почему лицо доктора показалось ему знакомым. В прошлой жизни он часто навещался в военный лагерь вместе со старшим братом Хо — Хо Фэйханем. Обладая превосходной памятью, Чжэньцин запоминал даже тех, с кем пересекался лишь мельком. Военные лекари служили в армии Хо десятилетиями, так что они наверняка встречались когда-то в походных шатрах.

От мыслей о прошлом на душе становилось невыразимо тошно. Зачем небеса даровали ему перерождение именно сейчас, забросив в окружение старых знакомых? Он ведь хотел лишь одного — спокойно пройти через перерождение и забыть прошлую жизнь как страшный сон!

Сложно было описать это гнетущее чувство. Дикая, выматывающая усталость навалилась на плечи.

Так и не добившись вразумительных ответов, лекарь Тан сокрушенно вздохнул:

— Мои познания слишком скудны для столь сложного недуга. Когда вернетесь в усадьбу Лю, ваши родные непременно призовут лучших столичных целителей.

В этот момент полог палатки с шумом распахнулся, и внутрь шагнул давешний молодой военный.

— О, молодой господин Лю уже очнулся? Как удачно. Ваши люди как раз разыскали лагерь. Если можете держаться на ногах, мы немедленно отправим вас домой.

Юноша выглядел типичным военным — крепкое сложение, прямая осанка. Но в его повадках сквозила юношеская незрелость, а на лице читалось плохо скрываемое нетерпение. Вскинутый подбородок выдавал искреннее высокомерие: очевидно, он считал раненого столичного пижона досадной помехой.

— Позвольте спросить... — начал Лю Чжэньцин.

Он и сам горел желанием поскорее убраться отсюда, но сначала нужно было прояснить судьбу разбойников. Однако стоило ему открыть рот, как юноша, привыкший прерывать надоедливых посетителей, выпалил:

— Нашего генерала здесь нет!

Лю Чжэньцин мысленно закатил глаза.

«Да сдался мне ваш генерал! — раздраженно подумал он. — Я сам боюсь с ним столкнуться пуще смерти!»

Сейчас он больше всего на свете не хотел встречаться ни с кем из людей своего прошлого. Пусть даже в новом обличье его никто не узнает, держаться от прежних знакомых стоило как можно дальше.

Пока Лю Чжэньцин подбирал слова, лекарь Тан проявил профессиональную заботу:

— Мо Ци, молодой господин Лю хотел спросить совсем о другом. Его состояние внушает серьезные опасения, и мы не можем отпустить его с кем попало. Ты уверен, что прибывшие люди действительно его слуги?

— А в чем дело? — спросил Мо Ци, мигом растеряв часть своего гонора.

Когда доктор вкратце обрисовал ситуацию, Мо Ци ошеломленно уставился на Лю Чжэньцина, и на его лице отразилось внезапное озарение. Теперь понятно, почему этот навязчивый парень, очнувшись, не засыпал его глупыми расспросами.

Лю Чжэньцин с любопытством наблюдал за гаммой эмоций на лице молодого офицера. Наконец Мо Ци недоверчиво спросил:

— Потерял память? Значит, ты и меня не узнаешь?

Лю Чжэньцин виновато покачал головой. Тут притворяться не приходилось — он действительно впервые видел этого юношу. Восемь лет назад Мо Ци, должно быть, был совсем еще мальчишкой, к тому же, судя по легкомуговору, приехал откуда-то с северных окраин империи.

Мо Ци шумно выдохнул, его глаза округлились от возбуждения:

— А нашего генерала? Генерала ты тоже забыл?!

У Лю Чжэньцина замерло дыхание.

В следующее мгновение прозвучало имя, которое он так боялся услышать:

— Хо Фэнле! Хо Чжаньюань!

«Чжаньюань»... Этот почетный статус-имя когда-то на поле боя дал младшему брату Хо Фэйхань. Когда они со старшим Хо погибли, Хо Фэнле был еще слишком юн, чтобы официально носить это имя.

Лю Чжэньцин заставил себя расслабиться. Его взгляд остался абсолютно ровным и пустым. Он посмотрел на Мо Ци с идеальным, невозмутимым недоумением.

Заметив это, Мо Ци не просто удивился — на его лице промелькнуло отчетливое выражение облегчения, граничащее с плохо скрываемым восторгом. Словно случилось нечто невероятно радостное.

Лю Чжэньцин прищурился. Ему и раньше казалось, что воины армии Хо относятся к прежнему владельцу этого тела как-то странно. И дело здесь было явно не только в том, что «проклятый покойный канцлер Лю когда-то вредил верным защитникам отечества». Тут крылось что-то еще.

Быстро взяв себя в руки, Мо Ци принял серьезный вид:

— Прибывших я проверил. Это дворецкий из усадьбы Лю и твой личный слуга. Говорят, семья выплатила выкуп, но похитители заложника так и не отпустили. Тогда они бросились за помощью к столичной страже и вместе с солдатами пошли по следу.

Мо Ци едва сдержался, чтобы не выругаться. Поведение семьи Лю казалось верхом глупости: разве так спасают заложников? Нелепее и придумать сложно.

Лю Чжэньцин прекрасно понимал всю нелепость ситуации. Он лишь гадал — действительно ли родственники Лю Сяочжу непроходимые идиоты, или же они просто хотели избавиться от старшего внука под шумок?

— А что с разбойниками? — спросил он.

— Одного пристрелили при задержании, второго взяли живым и передали городской страже. Впрочем, толку от него мало. Обычный наемник, выполнял заказ через третьи руки. Имени нанимателя он наверняка даже не слышал, — ответил Мо Ци.

— Благодарю за службу, — вежливо отозвался Лю Чжэньцин.

Расспрашивать дальше не имело смысла. Главное — бандиты обезврежены, и пока ему ничего не угрожает. Помолчав, он добавил:

— У меня есть к вам просьба. Касательно моего отравления и потери памяти... Пожалуйста...

Лекарь Тан мысленно предположил: «Хочет сохранить все в тайне? Боится семейного скандала и надеется вылечиться без лишнего шума?»

Мо Ци подумал о другом: «Решил скрыть карты? Оставить врага в неведении, чтобы выманить его на чистую воду? Неужели у этого изнеженного дурня хватит на это соображения?»

—...Раструбите об этом как можно громче, — невозмутимо закончил Лю Чжэньцин. — Особенно перед стражниками и слугами из усадьбы Лю. Опишите мое состояние как можно более пугающе и безнадежно.

Лекарь Тан опешил:

— Э-э... Хорошо, как пожелаете.

Мо Ци мысленно ухмыльнулся: «Ну конечно, откуда там взяться уму».

Лю Чжэньцин лишь тонко улыбнулся в ответ.

Проснуться в чужом теле и тут же броситься спасать мир, вершить великие дела и карать врагов — удел восторженных глупцов. В прошлой жизни он нахлебался этого дерьма сполна. Сейчас его единственным желанием было лечь на дно и не отсвечивать. Месть? Поиски заговорщиков? Да пропади оно все пропадом!

Конечно, умирать во второй раз Лю Чжэньцин не собирался. Он просто ждал удобного

момента, чтобы порвать со всем раз и навсегда. Раз уж судьба зажала его в тиски, он создаст себе свободу сам. Как только все уляжется, он сменит имя, уедет подальше от душной столицы и заживет в свое удовольствие богатым бездельником. Благо сбережений, припрятанных в укромном местечке в горах, на безбедную старость хватит с лихвой.

Если пустить слух о его тяжелом отравлении и беспамятстве, таинственный убийца на время затаится, даруя ему столь необходимую передышку. А там — поминай как звали.

План казался безупречным. С его опытом политических интриг провернуть подобное было проще простого. Но лекарь Тан и Мо Ци то и дело переглядывались, явно желая предостеречь его от безрассудства. Лю Чжэньцин лишь забавлялся, глядя на их серьезные мины. Воины армии Хо оставались верны себе — честны и прямодушны до мозга костей. Удивительно другое: похоже, они не питали особой злобы к этому конкретному семейству Лю, несмотря на грехи его великого предка.

Когда Лю Чжэньцина вывели наружу, он демонстративно проигнорировал косые, полные недоумения взгляды простых солдат. У ворот лагеря их уже поджидала внушительная кавалькада из нескольких десятков человек — городская стража вперемешку со слугами дома Лю.

Двое встречающих, старик и совсем юный паренек, едва не плакали от волнения. Завидев Лю Чжэньцина, они рванулись вперед, но их преградили скрещенные копы часовых.

— Молодой господин!

— Хозяин!

Лю Чжэньцин подошел ближе. Стоило страже пропустить их, как оба преданных слуги буквально вцепились в него, засыпая встревоженными расспросами. В их глазах светилась неподдельная преданность.

Видя, что юноша безмолвствует и смотрит на них озадаченно, слуги решили, что он на грани беспамятства от боли. А когда лекарь Тан и Мо Ци в красках расписали «тяжелое состояние» пострадавшего, у ворот лагеря поднялся настоящий плач.

— Окаянные душегубы! Да у кого рука поднялась на нашего молодого господина?! — запричитал старый дворецкий Фулу.

— Хозяин, ненаглядный мой хозяин! Как же так? Неужто вы и меня не помните? Я же ваш верный Цзиньли, с малых лет подле вас хвостиком ходил! — заливался слезами слуга-подросток.

Их горе, гнев и страх были столь искренними, что у Лю Чжэньцина отпали последние

сомнения. Обычные люди в первую секунду выдают свои настоящие чувства, и лишь потом нацепляют маски. Эти двое не притворялись. Не успев толком разглядеть остальных слуг, Лю Чжэньцин понял: дворецкий Фулу и малец Цзиньли преданы ему душой и телом.

Цзиньли крутился вокруг хозяина, накидывая на его плечи теплую одежду, а дворецкий тем временем рассыпался в благодарностях перед Мо Ци.

Мо Ци лишь нетерпеливо отмахивался — ему явно хотелось поскорее спроводить эту шумную ораву за пределы лагеря.

Но стоило слугам начать устраивать Лю Чжэньцина в экипаже, как со стороны горного ущелья примчался верховой. Лю Чжэньцин, некогда прекрасно изучивший устав армии Хо, сразу понял: гонец везет срочное донесение.

До его слуха долетели обрывки фраз: «спугнули», «план сорван», «ушли в чащу», «след потерян».

Лицо Мо Ци мгновенно потемнело.

Лю Чжэньцин сообразил, в чем дело. Операция поимки сорвалась из-за того, что военным пришлось отвлекаться на его спасение от разбойников.

Хмурый Мо Ци уже собирался отдать приказ о выдвижении подкрепления, как вдруг со стороны кареты раздался спокойный голос Лю Чжэньцина:

— Помощник генерала Мо, не считите за труд подойти на пару слов.

Мо Ци едва сдержал раздраженный вздох. Винить спасенного заложника глупо — в конце концов, они обязаны были прийти на помощь соотечественнику. Но из-за этой заминки они упустили не мелких воришек, а опасных лазутчиков, угрожавших безопасности империи Чжоу.

И вот теперь, когда карета уже готова тронуться, этот неженка снова привлекает к себе внимание. «Невыносимо капризный тип», — раздраженно подумал Мо Ци. С мрачным видом отдав последние распоряжения авангарду, он быстрым шагом направился к экипажу, твердо вознамерившись пресечь любые капризы на корню.

Однако, вопреки ожиданиям, Лю Чжэньцин даже не взглянул на него. Он задумчиво всматривался в далекие горные хребты.

— Насколько я вижу, дует юго-восточный ветер, — ровным, негромким тоном заговорил он. — Сами горы выше на юго-востоке и плавно спускаются к северо-западу, образуя полукольцо. Мы спускались с юго-восточного склона. Если вы хотите выкурить тех, кто затаился в лесу... помощник генерала Мо, вы не думали поджечь гору?

Мо Ци опешил. Он резко вскинул голову, глядя на стоявшего у подножки кареты Лю Чжэньцина.

Тот слегка опустил ресницы, губы его тронула едва заметная, расслабленная улыбка. Окутанный белоснежным мехом лисьей накидки, которую заботливо набросил слуга, он казался бледным и изможденным болезнью. Но в его осанке, во всем его облике вдруг проступило такое величие, что у Мо Ци перехватило дыхание.

— Поджечь гору? — переспросил ошеломленный офицер, не веря собственным ушам.

— Разумеется, не по-настоящему, — мягко пояснил Лю Чжэньцин. Дикие лесные пожары принесли бы слишком много бед, да и по закону за такое по голове не погладят. — Наберите влажной палой листвы, сырых веток — уверен, ваши люди знают, как развести дымный костер. Пустите густую завесу по ветру, чтобы дым валил валом, и подыграйте шумом. Создайте видимость грандиозного пожара. Оставьте свободным лишь один выход — на северо-западе. А там останется лишь расставить силки.

Мо Ци слушал, раскрыв рот. Каков размах! Нет, вернее — какое коварство! Изощренный, расчетливый обман.

— И... они действительно клюнут на это?

— Когда повалит едкий дым и лесное зверье ломанется прочь, лазутчики поддадутся общей панике. Бежать им будет некуда, если только они не готовы сгореть заживо. Видя такое буйство стихии, они решат, что вы пошли на крайние меры, дабы выкурить их. На чужой территории подобные безумные действия преследователей выглядят пугающе логично. Прятаться в огне никто не станет, а значит, у них останется один путь — к единственному незадымленному выходу. Там-то вы их и прихлопнете. Выбор между верной смертью в огне и попыткой прорыва очевиден для любого мыслящего человека.

Мо Ци замер, превратившись в каменное изваяние. Он даже не услышал, как сзади его нетерпеливо окликнул подчиненный.

Лю Чжэньцин плотнее запахнул полы лисьего меха — слабое тело сотрясала легкая дрожь от холода. Выдохнув облачко белого пара, он негромко произнес:

— Мое спасение спутало вам карты, так что считайте этот совет скромной компенсацией. Если все выгорит, будем считать, что долг жизни я вам вернул. Полноте медлить, погода и ландшафт благоволят вам. Ступайте.

С этими словами Лю Чжэньцин скрылся в глубине экипажа. Он прекрасно помнил, что армия Хо славится масштабными сражениями на открытой местности, но в лесной глуши их тяжеловесная тактика увязала. Для поимки горстки крыс требовалась не военная мощь, а изящный обман.

Мо Ци пришел в себя только тогда, когда подчиненные буквально втащили его в седло. Развернув коня, он во весь опор помчался на соединение с основными силами.

Вскоре он встретился со своим братом, Мо Юем — вторым помощником генерала. Выслушав ошеломляющую тактическую идею, Мо Юй долго не мог поверить, что подобный план созрел в голове изнеженного Лю Сяочжу. Немного поспорив, братья решили рискнуть.

Устроив засаду на северо-западном склоне, Мо Ци изнывал от тревоги. Его одолевали сомнения, но стоило из лесной чащи вырваться первому испуганному стаду диких коз и кабанов, как офицер вскинул руку, призывая бойцов к полной готовности. Прошло совсем немного времени, и из тумана показались тени — ровно десять человек, пробравшихся сквозь заросли.

Хотя отряд засады был немногочисленным, внезапность сыграла им на руку. Солдаты Хо действовали слаженно и молниеносно: не успели лазутчики опомниться, как все они были скручены и обезоружены.

Однако в самый разгар триумфа небеса прорезал резкий, пронзительный клекот. Из густой кроны деревьев стремительной тенью взмыл вверх силуэт, устремляясь в облака.

Всмотревшись, Мо Ци похолодел.

— Ловчий сокол! — выдохнул он, лихорадочно выхватывая из-за спины лук.

Птица двигалась с бешеной скоростью. Такие обученные хищники не водились в этих краях — очевидно, лазутчики приберегли сокола на крайний случай, чтобы отправить тайное донесение своим покровителям. Упустить его означало провалить всю операцию.

Мо Ци натянул тетиву и выстрелил, но расстояние было слишком велико — стрела бессильно канула в вышине. Другие солдаты тоже открыли беспорядочную стрельбу, но хищник уже поднялся выше зоны досягаемости. Среди воинов поднялся тревожный ропот.

Вдруг из лесной глуши донеслось мощное ржание, от которого задрожал воздух. Боевые кони солдат без всякой команды всадников испуганно захрапели и послушно расступились, освобождая дорогу.

Лица воинов мгновенно посветлели, а Мо Ци едва не закричал от радости. Не успел он обернуться, как мимо него пронесся порыв ледяного ветра.

Темный силуэт взлетел над землей. Мо Ци ощутил легкий толчок в плечо — кто-то использовал его как опору для прыжка, и в то же мгновение лук выскользнул из его пальцев.

В вышине, словно застыв в воздухе вопреки законам земного притяжения, парила могучая

фигура. От нее веяло чистой, осязаемой жаждой крови. Тетива чужого лука натянулась с глухим, грозным гулом, изогнувшись идеальной дугой. Сильные руки замерли на долю секунды — и стрела, запущенная с невероятной силой, с визгом пробила небесную твердь!

Короткий, захлебнувшийся крик птицы — и пробитый насквозь сокол камнем рухнул вниз.

— Слава генералу! — в едином порыве взревели солдаты, потрясая оружием.

Пленные лазутчики побелели от ярости. Один из них, хрипя и извиваясь в путах, выплюнул в лицо победителю:

— Хо Фэнле! Рано или поздно ты сдохнешь от руки нашего повелителя!

Стремительно опустившись на землю, мужчина мягко приземлился прямо в седло подоспевшего вороного скакуна, черного как безлунная ночь. Осанка всадника была безупречной — сухой, поджарый силуэт, выкованный годами изнурительных походов и битв. Черные наручи стягивали запястья, темная сталь доспехов тускло поблескивала на солнце, а из-под наплечников струился тяжелый плащ цвета спелой брусники. Весь его облик дышал замораживающим холодом.

Хо Фэнле небрежным жестом велел забрать подстреленную птицу, после чего перевел взгляд на пленников.

Его лицо отличалось суровой, благородной красотой — изяществом клинка, сокрытого в ножнах. Опасный, хищный блеск сочетался в нем с абсолютным самообладанием. В темных глазах не отражалось ни единой эмоции, но за этой маской безразличия угадывалась мощь готового к броску зверя. Тяжелое, давящее величие исходило от каждой его черты, заставляя окружающих невольно склонять головы.

Видя, что пленный собирается продолжить брань, Хо Фэнле сухо обронил:

— Заткните их. Оглушить.

Приказ был исполнен мгновенно. Солдаты ловкими ударами отправили лазутчиков в беспамятство, исключая любую возможность самоубийства. Вскоре к ногам командира положили тушку сокола с примотанным к лапке письмом. Операция завершилась полным успехом.

— Поджечь гору? — переспросил Хо Фэнле, выслушав краткий доклад Мо Ци и глядя на тающие в ущелье струйки сизого дыма.

Мо Ци поспешил подробно изложить суть тактического маневра. Он ожидал, что командир удивится, однако лицо генерала осталось бесстрастным. Очевидно, Хо Фэнле с первых слов

уловил безупречную логику этой хитрости. Иного и нельзя было ждать от двадцатилетнего Великого генерала, защитника государства, под чьим началом находились три мощные армии империи. Настоящий гений военного дела!

«Постойте... — внезапно сообразил Мо Ци. — Если генерал гений, то получается, что и этот столичный хлыщ умен как бес?»

Офицер поморщился. Прежний Лю Сяочжу оставил о себе исключительно дурную славу, но справедливость требовала признать его заслугу.

— Твоя задумка? — Хо Фэнле медленно повернул голову к Мо Ци. Его низкий голос звучал спокойно, но в нем уже слышался ответ.

Мо Ци вздохнул. Командир знал своих подчиненных как облупленных, приписать лавры себе все равно бы не вышло. Офицер не стал юлить и честно рассказал, от кого исходил совет, попутно упомянув и похищение, и сильное отравление, и внезапную потерю памяти Лю Сяочжу.

Как и ожидал Мо Ци, известие о судьбе назойливого столичного вздорника не вызвало на лице генерала ни малейшего отклика. Хо Фэнле лишь бесстрастно бросил:

— В донесении укажи все как есть.

Это означало, что награда найдет своего истинного героя.

Мо Ци мысленно усмехнулся: «Эх, если бы этот фат действительно не потерял память, ему бы даром не сдалась вся эта воинская слава. Он бы душу дьяволу продал, лишь бы наш генерал удостоил его хотя бы мимолетным взглядом».

Впрочем, прежний Лю Сяочжу явно страдал отсутствием здравого смысла. Учитывая дела минувших дней, любой разумный человек держался бы от генерала Хо на пушечный выстрел. Все в империи знали, как люто Хо Фэнле ненавидел казненного предателя-регента Лю Чжэньцина. И если к нынешнему семейству Лю военные относились терпимо, то лишь благодаря их неоспоримым заслугам перед тронном в последние годы.

Как ни крути, а Лю Сяочжу по линии предков приходился покойному великому грешнику троюродным братом.